

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Девочка-осень. Часть 1: Путешествие в страну Северо-Востока

Когда льет нудный затяжной дождь, когда мертвые листья пожухлым ковром устилают мокрый асфальт, когда тоскливо на душе и грусть не молчит, я достаю из потайного ящика письменного стола конверт с коротким письмом и фотографией.

Молодая красивая женщина стоит на берегу моря, ветер развевает ее длинные черные волосы, треплет подол платья, а глаза смотрят мне в душу, словно говоря «я помню тебя, не забывай обо мне».

Политико-географическая фантазмагория для заметания следов

Когда в начале 1985 года больничная палата К. У. Черненко была оформлена как избирательный участок, чтобы полумертвый генсек в полубессознательном состоянии проголосовал бы под телекамерами за нерушимый блок коммунистов и беспартийных, знающие люди предположили — «пятилетка пышных похорон» продолжится в самом скором времени. Но они не знали, что знахарь-целитель родом с Крайнего Севера Дальнего Востока уже начал работать над материальным и астральным телом Константина Устиновича, продлил ему жизнь на целое десятилетие, и добился для своего региона невиданных преференций. После его смерти разваливаться начал не СССР, а РСФСР: потребовали отделения и выплаты контрибуции за века оккупации Бурятия, Якутия, Корякия, Эвенкия. А вдохновителем, идеологом, лидером стала мятежная Чукотская Республика (ЧР), граждане которой были возмущены непрекращающимся валом анекдотов про чукч. И потянулись долгие годы вражды и конфликта, карательных походов союзных войск и ответных зверств инсургентов.

Звонок без ответа Тем летом я отдыхал на Белом море, ухаживал на пляже за двумя сестричками из Украинской ССР, одна была полненькая и веселая с тремя детишками, другая стройная, одинокая и строгая. Внешне мне больше нравилась вторая, характером — первая, но намеки на встречи вне пляжа я делал и той, и другой, впрочем, не особо печалюсь тем, что первая отговаривается невозможностью оставить ораву детей без присмотра, а вторая — недопустимостью вольного поведения для примерной комсомолки.

Как-то вечером раздался звонок на мой мобильный телефон с незнакомого номера. «Ага, кто-то из сестричек созрел, интересно, кто же?» — подумал я. «Алло, алло! Я слушаю, говорите». Молчание. Отбой.

Перезваниваю. Сразу же сбрасывает. Еще раз. Снова сброс. Я недоумеваю, зачем было тогда звонить? Приходит смс-ка: «Извините, я ошиблась номером. Но у Вас приятный голос».

Голос мой обе сестрички знают. Действительно кто-то ошибся? На третью попытку дозвона следует смс-ка «Я не могу сейчас говорить, простите, пожалуйста».

Насильно мил не будешь, и через несколько дней я почти что и забываю об этом эпизоде.

Звонки с ответами

Смс-общение вспыхнуло заново уже после того, как я вернулся в свой родной город Утинореченск, на берегу реки Кайлаб (река великого селезня, в переводе с ненецкого), которая фактически была границей между мятежными и советскими территориями.

Раз в неделю, потом раз в день, потом гораздо чаще, становится настоящей потребностью написать ей что-то, прочитать ответ, пошутить над чем-то, рассказать что-то умное или забавное, выслушать очередной комплимент эрудиции и обаянию.

Затем уже беседы по телефону. Впечатляет особенность ее голоса, будто она бежала к звонящему телефону и отвечает запыхавшись. Каждое слово произносится очень взволнованно и с придыханием. Не думаю, что это делалось умышленно, для придания романтического флера, скорее могу предположить незначительный дефект дыхательно-речевого аппарата. Но меня такая интонация очень возбуждала. Так и чудилось, что это женщина в пылу страсти отвечает мне короткими и взволнованными репликами. Это было приятно!

Неприятным же оказался тот факт, что Лариса (реальное имя по понятным причинам не называю) жила по ту сторону Речки. В самом логове сепаратистов, грозном городе Анадыре. Мы старались не касаться политики в наших разговорах, хотя по каким-то умолчаниям я понимал, что и ей не очень по нраву радикальные меры корпуса стражей шаманской революции, и я не очень одобряю иные топорные действия командующего нашим местным гарнизоном.

Я написал ей письмо, вложив в конверт мое фото. И получил ответное. Через «границу» почтовые сообщения и волны эфира проходили беспрепятственно. С личными поездками дело обстояло не так легко, хотя и не было прямого запрета, но были большие риски.

Кто первым сделал шаг от дружбы к интиму — сейчас трудно сказать. Но если даже первым написал я «целую», то она ответила «обнимаю». Если я сказал «милая», она ответила «дорогой», на «ненаглядную» — «родной», на «скучаю» — «грущу», «хочу тебя» — «желаю к тебе», и апофеозом стали сказанные одновременно «я тебя люблю»!

В пасть к ледяному дракону

Слов не хватало. Мы смс-ились и общались голосом по несколько часов в день. Нас переполнял восторг по поводу обретения нового чувства. Мы рисовали друг другу радужные картины того, какой будет наша интимная близость, и с каким упоением мы отдадимся взаимным ласкам.

Я был в восторге от Ларисы. Меня умиляла ее наивность в вопросах секса (у нее за всю жизнь был один-единственный мужчина — ее бывший муж, от которого имела дочку-школьницу), ее словесное стеснение (мы пользовались эвфемизмами «мальчик» и «девочка» для обозначения половых органов, иные термины ей казались слишком грубыми для настоящих любовных чувств), ее самая заветная фантазия (походить в мужской рубашке на голое тело перед сексом и избавиться от нее уже в процессе), ее безоговорочная готовность изведать оральный и анальный секс с любимым (даже осознавая, что может быть неприятно или больно с непривычки).

И я знал, что все это не пустые слова. И если она на что-то нацелена, то обязательно сделает. Примером тому было место ее работы. Лариса работала преподавательницей французского языка в Чукотском Университете, и готовила диссертацию об отличиях произношения от написания в средние века и в новое время.

Абсурдно? Не вообще, а конкретно там и тогда. вскоре тоскливой тьмой полярной ночи, когда автобус пересек Полярный Круг, и в такой же темноте поздней ночью я ступил на чукотскую землю. Старый таксист довез за приемлемую сумму до ближайшей гостиницы, хвастаясь по пути, каким он был хорошим охотником в свое время, и как белый снег тундры в итоге выжег глаза и почти ослепил его, вынудив стать шофером в грязном городе, где нечем дышать. — Я доехал, Лариса! — звоню ей. И она берет трубу моментально, видимо ждала моего звонка, не ложилась спать, хотя уже почти два часа ночи. — Я в гостинице «Белый песец», но она мне не

нравится: и постояльцы подозрительные, и номер без удобств. Ты позвони мне утром пораньше, разбуди в семь, начале восьмого, я поеду в гостиницу «Черный соболь», может там будет лучше. — Хорошо, обязательно позвоню! Ты нормально доехал, никаких проблем не возникло? — так приятно слышать заботу и искреннее волнение в ее словах. — Абсолютно никаких, — заверяю я ее, не рассказывая никаких подробностей проверок на дорогах, тем более они благополучно улажены. — Главное, чтоб ты завтра в 9 утра смогла прийти ко мне. — В 9 никак, милый. Я на 9 записалась к парикмахерше. Ты же хочешь видеть свою Ларису красивой? — Моя Лариса красива всегда и везде. — В 10, и ни минутой раньше.

Один день за Полярным Кругом

За несколько минут до 10, изнывая от нетерпения, и не выдержав метания в четырех стенах номера другой, более приличной гостиницы, я спустился вниз, и курил на крыльце, вглядываясь в еле видные силуэты редких прохожих. Моросил противный дождь, и почти все прохожие были укрыты зонтиками. У меня сильнее забило сердце, когда одна из фигур под зонтиком не проследовала мимо ограждения гостиницы, а вошла в калитку и поднялась на крыльцо.

И тогда, лицом к лицу, я первый раз увидел ее реально.

Под страшными пытками я и то не вспомню, во что она была одета, какого цвета было пальто, или какого фасона головной убор? Я утонул в бездонной глубине ее черных глаз, я увидел тот идеал красоты, который искал всю жизнь, я увидел настолько молодую и привлекательную внешне женщину (при разнице биологического возраста всего в два года), что мелькнула мысль о мистификации и злой шутке. Моя рука, потянувшаяся выбросить окурок в урну, так и застыла на излете, а мои легкие забыли выдохнуть последнюю порцию табачного дыма. Мы стояли и молча смотрели друг другу в глаза, у нее подрагивали губы и пальцы нервно перебирали ручку зонта, а у меня (с ее слов, уже когда после вспоминали этот миг первого свидания) раздувались ноздри и трепетали ресницы.

Физиология сильней воли, и когда табачный дым все же вырвался из легких, рука завершила движение по выбросу окурка в урну, и я, забыв поздороваться, взял ее за руку и, потянув за собой, сказал «Пойдем». «Да» — услышал я первое слово из ее уст не по телефону. Но с тем же бархатным оттенком, с такой же привычной взволнованностью и особенностью дикции, но намного-намного-намного большей притягательностью, потому что вот она: хозяйка этого голоса, и этого пленительного лица, и этих черных глаз, только протяни руку.

Но воля все же сильней инстинктов. Потому что, несмотря на то, что мне больше всего свете хочется наброситься на нее, содрать с нее одежды и овладеть максимально жестко и нежно (как ни странно, но именно так, причем одновременно, а не чередуя) сразу после того, как за нами защелкнулся замок двери моего номера, я все же исполняю роль галантного кавалера, а не дикого самца. Помогаю снять верхнюю одежду, ставлю в угол зонтик, удерживаю от попытки снять обувь, придвигаю кресло поближе к столику, на котором лежит пачка печенья, две шоколадки, два куска торта, по бутылке минеральной и сладкой воды, несколько разовых пакетиков чая и кофе (все, что сумел и успел купить за утренние часы), щелкаю тумблером электрочайника, выпрошенного у горничной на этаже, и наконец-то в момент перед тем, как она садится, обнимаю ее, говорю «Ну, здравствуй, Лариса!» и целую. Ее губы, хоть и не ярко накрашенные, но как огонь: и манят, и остерегают ожогом. Поцелуй длится секунду или десять, сто или вечность, — я не знаю, пламя любви лижет мое сердце каждым нежным движением ее руки по моей голове, и уже оторвавшись от губ, слышу Ларисин шепот:

«Здравствуй, родной мой!».

— Никогда не была в гостиницах, — говорит Лариса, садясь после поцелуя в кресло. — А что там дальше? — С той стороны, где стена и окно, ничего. Бывают еще номера с балконом, но этот без. А с этой, откуда вошли в номер, санузел. — И все? Такой маленький номер. Меньше однокомнатной квартиры. — Да. Обычный одноместный номер.

Пьем чай с тортом. Обращаю еще раз внимание на ее тонкие, благородные руки. Пальцы ни на секунду не остаются в покое. То за чашку берется, то за край тарелки, то легонько барабанит пальцами по столу, то во время беседы непроизвольно сжимает их и разжимает. Но гораздо больше времени я смотрю ей в лицо, наслаждаюсь видом белой кожи, нежными щеками, водопадом черных волос, струящихся по плечам до середины спины, и снова тону в бездонной глубине чарующего взгляда.

Чай допит. Отталкиваю столик в сторону, остаемся сидеть друг перед другом в креслах. Белая строгая блузка, с расстегнутой самой верхней пуговицей, смутно угадывается контур лифчика, обнимающий третьего размера грудь, черная юбка чуть ниже колен, белые колготки. Ни цепочек, ни сережек, ни колечек. Стройная фигура, идеально красивая женщина: влекущая, зовущая, желанная.

— Иди ко мне! — я протягиваю руки ей навстречу. Мне хочется, чтоб она села мне на колени, чтоб мы продолжили пьянящий поцелуй, чтоб я заласкал и зацеловал бы ее всю, освобождая от одежды, и только потом перенес бы на кровать. — Ты обещал дать мне свою рубашку. Можно? — Да. Но ты наденешь ее на голое тело.

В ответ Лариса начинает медленно расстегивать пуговицы своей блузки. У меня перехватывает дыхание. Вот полоска ослепительно белого тела выше лифчика, вот сам лифчик, вот живот, вот пупок, вот кромка юбки. Вот она уже без блузки. Вот она расстегивает привычным движением застежку лифчика и перед моим взором — красивейшая грудь: спелая, налитая, упругая, светло-коричневый ореол и торчащие кнопочки сосков. Вцепляюсь в подлокотники кресла, чтоб не сорваться к ней, и выдержать до конца, сдержать данное слово.

Лариса чуть медлит. Понимаю, что она ждет от меня какого-то симметричного ответа. Пиджак я снял, войдя в номер, вместе с курткой, теперь развязываю галстук, и медленно расстегиваю пуговицы рубашки. Раздеваться сидя, Ларисе, видимо, дальше неудобно. Она встает рядом с креслом, опускает молнию с боковой стороны юбки, снимает ее, кладет на кресло. Снимает обувь, ставит под кресло. Стараясь не смотреть на меня от смущения, снимает и колготки, обнажая прелесть женственных бедер, гармоничное очертание ног, белые узкие трусики. Теперь смотрит на меня. Пуговицы рубашки я уже расстегнул, но еще не снял. Снимаю рубашку, но когда она протягивает руку, я еле заметно качаю отрицательно головой и чуть улыбаюсь. Она понимает, что «голое тело» — это и без трусиков. Сжав губы, снимает трусики. Чисто выбритый лобок, чуть виднеющийся разрез половых губ в очередной раз заставляют меня нервно сглотнуть и вздыбиться член в стремлении вырваться наружу и ворваться в нее. Протягиваю ей рубашку, она быстро надевает ее, путаясь от непривычности, застегивает все пуговицы вплоть до самой верхней, остаются на виду только ее ноги ниже середины бедер, и вот тогда-то она подходит ко мне и садится на колени.

Мы в упоении целуемся и никак не насытимся друг другом. Я расстегиваю пуговицы своей же рубашки, и с каждой расстегнутой целую ту часть тела, которая появляется из-под ткани. Наибольшего внимания достаивается, конечно же, грудь. Я сосу и лижу, я целую и

покусываю, я мну и кручу, я тискаю и тереблю это средоточие женственности, это чудо природы, от которого в восторге и новорожденные младенцы, и неоперившиеся юноши, и зрелые мужчины, и убеленные сединами старцы.

Когда все пуговицы рубашки оказываются расстегнутыми, я поднимаю руки вверх, и Лариса без слов меня понимает — стаскивает с меня майку, отбрасывает на другое кресло, и сама играет с мехом на моей груди, целуя шею, плечи и приговаривая «ты мой мохнатый, ты мой звереныш, ты мой птенчик». И даже, убирая руками мешающие волосы на груди, пытается пососать один, а потом другой сосок.

Всё, так больше не может продолжаться, а то опозорюсь как подросток и кончу себе в штаны. Подхватываю Ларису в обнимку и переносу на постель. В скоростном темпе избавляюсь от брюк и трусов, она быстренько убирает покрывало и откидывает одеяло, но продолжает оставаться в моей рубашке. Глубоким поцелуем впиваюсь в ее губы, крепко обнимаю за талию, ощущая локтями ткань своей рубашки, опускаю руки ниже, тискаю ягодички, чуть приподнимая ее таз, затем одной рукой продолжая удерживать за попку, другой заголяю головку члена и приставляю к входу. Несколько раз дразнящими движениями провожу вверх-вниз, чувствую, как обильна влага, и в каком она нетерпении. «Прошу тебя, только медленно!» — шепчет она. Хорошо, что сказала, потому что я был готов рывком ворваться в нее и остервенело трахать, идя на поводу у моего «мальчика», который истомился в ожидании входа в ее «девочку».

О сладостный миг первого вхождения в женщину! До чего же приятно ощущать, как член, преодолевая первое сопротивление губок и стенок, входит, вдвигается, втискивается в нее, доходит до упора, чувствуешь прижатие лобка к лобку, затем тянешь его обратно, ощущая, как стенки и губки уже хватают его, пытаются задержать, не выпускать, оставить в себе, и потом снова в нее, и снова из нее, и снова «в», и снова «из», снова-снова-снова-снова, и она то мечется под тобой, то целует в губы, то царапает спину, то обнимает пятками ягодички, вжимая в себя, и так хочется длить и длить это чудо чудное, диво дивное, банальный трах между разнополыми особями homo sapiens.

Не хочу кончать, хочу много и по-разному! Уменьшаю темп, вынимаю член, вижу немного удивленный взгляд, но никаких возражений и вопросов: если так поступает мужчина, значит так надо, веками впитанная модель поведения на генетическом уровне. Ласкаю пизденку руками, нащупываю немалых размеров клитор, чувствую в эти секунды, как по-особому она хватается меня ноготками за плечи, как дрожат ее губы и язык, соприкасаясь с моими губами и языком, как она на взводе и готова кончить в любую секунду, от малейшего мысленного и телесного импульса, как только последняя капля переполнит чашу. И очередным изменением позы резко перемещаюсь вниз, раздвигаю руками половые губки, и впиваюсь поцелуем уже в них, доводя языком трепещущий клитор до экстаза. Это было сделано вовремя. Наверняка она получала до меня оргазм от пальцев (пусть даже своих), но я точно знаю и верю ее слову, что муж никогда не ласкал ее орально (и она его тоже). Оргазм Ларисы от куни более чем бурный. Поясница Ларисы живет как бы своей жизнью, несколько раз с очень высокой частотой и амплитудой приподнимается над поверхностью кровати и падает обратно, руки ее вжимают мою голову в свою промежность, будто это она мужчина, а я делающая ей глубокий минет женщина, и насколько слышат мои сплюснутые ее бедрами уши, каждый такой рывок таза вверх сопровождается как бы навзрыд вырывающимся протяжным криком «иииииыы», причем «ыы» — это на максимальной точке подъема попы над постелью.

Колебательный контур затих, но... я не ошибаюсь? Идущие навзрыд звуки продолжают. Осторожно высвобождаюсь из тазобедренного захвата, поднимаюсь выше, кладу голову на подушку рядом с ее головой. Да, ошибок быть не может. Лариса плачет. Горько и навзрыд, как обиженный ребенок, который узнал, что только что была 33-я серия «Ну, погоди!» по телевизору, а он заигрался во дворе и опоздал.

Не дожидаясь моих вопросов, не открывая глаза, она обхватывает мою голову и целует-целует-целует куда попадут ее губы, и продолжает всхлипывать, но постепенно успокаивается и выговаривается, сумбурно, но по сути понятно:

— Спасибо... милый... любимый... я не верила, я думала, так не может быть, это только в книжках пишут красивые слова, а в жизни все гораздо хуже, как и везде, как и всегда. Это ж какое чудо, это ж как ты любишь меня, это ж как я люблю тебя... Сколько с мужем жила — ни разу подобного не было, сколько сама пробовала — и близко не стояло. Бросила я и думать про это дело, три дня в месяц вспоминала, что я женщина, досадовала, желала, чтоб скорей все миновало. Не любила я мужа, под одеялом случайно ногой прикоснется во сне, отдергивалась гадливо. И он не любил меня, увидит если меня случайно днем переодевающейся, поморщится как от зубной боли. Лишний раз не поцелует, не притронется, будто ему гордость не позволяет ласковым быть с женщиной. — Зачем же ты замуж вышла за него? Зачем он женился на тебе? — Обещана я была. Родителями моими. Его родителям. Перед шаманом. Традиция у нас такая. Не мы придумали, не нам отменять... — и, пытаюсь отвлечь меня от скользкой национальной темы, начинает...

... гладить меня по груди, по животу, протягивает руку к моему члену, играет с ним, садится рядом, снова подворачивает до локтей опавшие в процессе секса рукава длинной ей рубашки, мешающие ей онанировать мой член, и целенаправленно начинает дрочить, с одной стороны как бы ставя своей задачей добиться моего кончания, раз она сама кончила. Но и вижу, как она оценивающе смотрит и примеряется к моему «мальчику», вполне готова впервые в жизни взять в рот, и не исключено, справедливо полагая, что и мне будет максимально приятно извержение в ротик, захватит его во время начала брызгания. Но есть у меня одна причина, гигиенического плана, по которой я пока не хочу побуждать ее к минету. Во время утренней моей беготни, из одной гостиницы в другую, и решения сопутствующих вопросов, было некогда принять душ. Подумалось, что приму перед сексом, но тоже оказалось не судьба. И если Лариса купалась сегодня утром, и ее тело было для меня максимально чисто и благоуханно, то я принимал душ последний раз даже не вчера утром, а позавчера вечером, и ни в коем случае нельзя отвращать ее от минета неприятным запахом или вкусом.

— Давай чуть по-другому? — мягко предлагаю Ларисе и, потянув за плечи, укладываю рядом. Уже не страстно-горячо, а медленно-тягуче целую взасос, то проталкивая свой язык ей глубоко в рот, то наоборот, беря ее и посасывая как леденец. Затем встаю на колени между ее ног, и подрачиваю свой член.

— Не в меня, хорошо? — просительным тоном говорит Лариса. Наверное, думает, что я хочу закончить акт вагинально, но у меня иные планы. — Конечно, конечно, я помню. Дай мне свою руку! — руковожу движениями ее руки по моему члену, искусственно подгоняю оргазм, и весьма скоро мощные брызги из члена орошают ее тело, долетая почти до шеи, и с каждым выплеском все эмоциональней мой «аааах», и шире ее улыбка: она довела любимого до первого оргазма.

Растираю головкой члена, своей рукой и ее рукой капельки спермы. Смотрю мельком, не

противно ли ей? Нет, делает все с интересом и с охотой, и даже без моей инициативы касается обмакнутым в сперму пальчиком своего соска. Пригибаюсь, целую в губы, гляжу с неммым восторгом в глаза. Получаю такой же обожающий взгляд в ответ.

— Я в ванную?

Киваю. Она выскальзывает из моей рубашки, и очаровательная в своей полной наготе, привлекая мой взор красотой и гармоничностью, шествует как королева в пышном облачении, ничуть не стесняясь своего тела. Ибо любима и желанна.